

Діодоръ говорилъ отрывисто, какъ въ бреду. При послѣднихъ словахъ онъ вскочилъ и порывисто схватилъ Лену за руки, но дѣвушка быстро вырвала у него свои руки и убѣжала, закрывая лицо руками.

Діодоръ опомнился, оглядѣлся кругомъ и въ отчаяніи схватилъ себя за голову:

— Сумасшедшій я человѣкъ, что я надѣлалъ! — зашепталъ онъ въ тоскѣ. — Что такое я ей говорилъ? Боже, Боже! этой глупости еще не доставало... Нѣтъ, бѣжать отсюда надо, какъ можно скорѣе бѣжать... Леночка, прости ты меня, безумнаго... Какъ ты меня теперь должна презирать!.. О, сумасшедшій...

Онъ метался по комнатѣ. Потомъ быстро схватилъ свою шляпу, выскочилъ въ окно и скрылся. Комната опустѣла. Только на столѣ все еще лежалъ букетъ ландышей, распространяя въ тишинѣ опьяняющее благоуханіе. Одна капля росы дрожала на широкомъ темнозеленомъ листкѣ, точно одинокая слеза.

Батюшка сидѣлъ въ своемъ палисадничкѣ и благодушеествовалъ за вечернимъ чаемъ, когда къ нему явился Діодоръ. Онъ былъ очень блѣденъ и взволнованъ; волосы его въ безпорядкѣ разметались и прилипали къ вспотѣвшему лбу; платье все забрызгано грязью и покрыто сухими листьями.

— Добрый вечеръ! — проговорилъ онъ отрывисто, бросая шляпу на столъ.

— А, здравствуйте! садитесь-ка, чайку чашечку, да вотъ съ коньячкомъ-то. Зюзя, налей чайку Діодору Павлычу. Да что это, батюшка, съ вами? На васъ лица нѣту...

Діодоръ принужденно улыбнулся.

— Усталъ очень. Ходилъ на охоту, шлялся-шлялся, ничего не убилъ, и вотъ...

— Ну вотъ, и садитесь, пейте чай, да коньячку-то побольше...

— Спасибо, пью. А я къ вамъ съ просьбой, о. Пароень.

— Что такое? Какая просьба?

— А вотъ видите, — мнѣ очень нужно въ городъ съѣздить на день, на два. Не свободна ли у васъ лошадь?

— Лошадь? Это можно. Вотъ Зюзя васъ, пожалуй, и отвезтъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ? Я одинъ съѣзжу.

— Гм... гм... Ну, какъ хотите, а то и Зюзя отвезтъ бы. Ему дѣлать нечего. А не хотите, не надо.